

В. С. МАЛАХОВ

Институт философии
Москва

Этнические проблемы в современном политическом и правовом дискурсе

Доклад, представленный на заседании международного Круглого стола «Этничность в России: вызовы и ответы», прошедшего 23.06.03 в Москве в рамках поддерживаемого TACIS проекта “Improving Interethnic Relations and Promotion of Tolerance”.

ЩЕ сравнительно недавно можно было подразделять существующие государства на полиэтнические, многокультурные, с одной стороны, и моноэтнические, культурно однородные, с другой. Сегодня однородных в культурном отношении государств практически не осталось. Мобильность капитала и мобильность труда влекут за собой интенсивные перемещения больших групп людей, что, в свою очередь, ведет к радикальным изменениям этнодемографического состава обществ. В этой ситуации преследовать идеал культурно-этнической однородности – бесперспективно. Государство, которое рассчитывает остаться незатронутым процессом культурной диверсификации, либо тешит себя иллюзиями, либо сознательно обрекает себя на положение маргинала. В этой связи нельзя не отметить, что недавно принятые «Закон о гражданстве РФ» и «Закон о правовом положении иностранных граждан в РФ» способствуют движению нашей страны именно в этом направлении. Если эти законы не будут пересмотрены, россияне почувствуют их негативный эффект уже на протяжении жизни нашего поколения.

Можно выделить – и логически, и исторически – четыре основных способа реагирования государства на культурную разнородность общества.

Стратегия 1. Поощрять однородность как в публичной, так и в приватной сфере. Так вплоть до недавних пор поступала Франция.

Стратегия 2. Поощрять разнородность в публичной сфере и однородность в приватной. Такой стратегии придерживались США до середины 1960-х годов (а именно до 1965 года, когда чернокожее население было уравнено в правах с белым).

Стратегия 3. Поощрять разнородность и в публичной, и в приватной сфере. Такой подход воз-

можен теоретически, однако его практическое воплощение в современных условиях сомнительно. Последним государством, решавшимся практиковать эту стратегию, была Южно-Африканская республика. Существовавший там режим апартеида продержался до 1992 года.

Наконец, стратегия 4. Поощрять однородность в публичной сфере и разнообразие в приватной. Целью такой практики является формирование унифицированного, эгалитарного, прозрачного по своим правилам публичного пространства – пространства *гражданского общества* – при сохранении культурных различий в частной жизни. На этот идеал ориентировано большинство развитых западных демократий.

Итак, гомогенная публичность и гетерогенная приватность – такова модель, которая, как предполагается, обеспечит социальную стабильность и соблюдение прав человека в культурно-плюралистических обществах. Однако, как и всякая модель, она выглядит стройной и непротиворечивой лишь в теории. На практике ее применение сопряжено с целым рядом коллизий. Основной источник этих коллизий состоит в том, что культурные различия требуют *публичной артикуляции*. Люди, солидаризирующиеся друг с другом по культурному признаку, т.е. по признаку этнической, языковой, религиозной или жизненно-стилевой общности – не хотят «удерживать» свои различия в приватной сфере. Они стремятся выразить их в общественно-политической жизни. Возводят храмы, объединяются в общественные организации по конфессиональному или этно-лингвистическому признаку, издают газеты и журналы на языке своей группы, создают школы с этнокультурным компонентом.

Представители меньшинств, как правило, считают, что государство делает слишком мало для того, чтобы их право на культурную самобыт-

ность было реализовано, а представители большинства довольно часто склоняются к прямо противоположному мнению.

Упомянутая коллизия в различных вариантах характерна и для Соединенных Штатов, и для государств Европейского Союза. Характерна она и для нашей страны. Позвольте кратко остановиться на некоторых особенностях восприятия этой коллизии в западных демократиях и в Российской Федерации.

Вплоть до середины XX столетия западноевропейские государства, а также демократии Северной Америки, проводили политику нациостроительства, нацеленную на культурную гомогенизацию населения. От прибывающих в страну мигрантов, равно как и от исторически проживающих в ней этнических меньшинств, ожидали растворения в «плавильном котле» нации, т.е. ассимиляции. Иммигрантам предоставлялась возможность влиться в сообщество граждан. Платой за это был отказ от прежней культурно-этнической идентичности (или, точнее, отказ от ее публичной артикуляции). В Германии, в которой сложилась этническая модель нации, имело иное отношение к культурной неоднородности, порождаемой миграцией. От мигрантов здесь ожидали возвращения на историческую родину. Отсюда специфически немецкое слово «гастарбайтер». Отсюда крайне жесткое законодательство о гражданстве.

В последние два с половиной десятилетия картина начинает меняться. Происходит постепенный отказ от ассимиляционистской парадигмы. В ФРГ также происходят симптоматичные сдвиги, о чем я скажу ниже.

Отчасти по политико-прагматическим соображениям, отчасти под воздействием правозащитного движения государства перестают делать ставку на устранение различий и переориентируются на *интеграцию без ассимиляции*. Государство больше не пытается «загнать» различия в частную жизнь граждан, пытаясь организовать публичное проявление культурного разнообразия. Иными словами, дело заключается в разработке мероприятий по *управлению разнообразием*. К числу этих мероприятий (независимо от того, называют или не называют их «мультикультурализмом») относятся:

(1) предоставление мигрантам избирательных прав на местном уровне (подчеркнем, что речь идет о лицах, не являющихся гражданами, а лишь имеющих вид на жительство); участвуя в выборах в местные органы власти, мигранты участвуют в жизни того микросообщества, в котором живут;

(2) организация начального обучения детей мигрантов на языке родителей;

(3) учет этнического компонента в образовательных программах в средней и высшей школе («мультикультурное», или «поликультурное» образование);

(4) поддержка культурно-общественных ассоциаций, создаваемых мигрантами;

(5) обеспечение возможности религиозного воспитания со стороны священнослужителей разных конфессий, приходящих в школы;

(6) субсидирование строительства культурных сооружений.

Важно оговориться, что последние две возможности характерны для стран с длительной плюралистической традицией (Нидерланды, Великобритания) и не характерны для таких стран, как Франция, где утвердилась традиция лаицизма – строгого отделения церкви от государства.

Отдельно следует сказать о Германии. Отношение к культурному разнообразию в этой стране долгое время определялось представлением о нации как сообществе происхождения, а значит – этнически однородной целостности. Однако в течение 1990-х годов немецкое общество и немецкое государство эволюционируют в сторону более инклюзивной концепции национального сообщества. Это нашло выражение в принятом в 1999 г. Законе о гражданстве и в принятой в 2002 г. новой редакции Закона об иммиграции. Если прежде немцем можно было родиться и почти невозможно стать, то новое законодательство существенно облегчило процедуру получения гражданства. И если прежде Германия официально считалась «национальным государством», то новый закон фактически признал превращение страны в «иммиграционное государство».

Российские дискуссии по этническим проблемам определены притяжением двух полюсов. На первом из этих полюсов находятся те, кто говорит от имени русского этнического большинства. На втором – те, кто говорит от имени этнических меньшинств. Заметим, что речь идет о «традиционных» (исторически проживающих в стране) меньшинствах. *Меньшинства, образуемые мигрантами, из публичных дискуссий исключены. К первому полюсу тяготеют все, кто считает, что России пора стать нормальным «национальным государством» с одним государствообразующим народом и рядом этнических меньшинств. Здесь и сторонники законодательного закрепления привилегий для этнически русского населения, и приверженцы губернского принципа территориального устройства, и адепты национал-патриотических*

идеологий различных оттенков. Ко второму полюсу тяготеют все, кто полагает, что России пора перестать быть «мини-империей», а русским – культурно и политически доминирующей группой. Здесь объединены приверженцы идеи этнического квотирования в структурах власти, сторонники особых «прав народов», которые предполагается поставить выше прав граждан, а также представители региональных этнических элит, высказывающие предложения установить иерархию субъектов федерации, привилегирующую «национально-территориальные образования» по отношению к «территориальным».

При очевидной противоположности этих позиций они представляют собой две стороны одной медали. А именно: *этнонационализм*.

Впервые на это скандальное обстоятельство обратил внимание Валерий Тишков. Надо было видеть, какой шквал критики на него обрушился. В.Тишкова пытались наказать, как в отдаленные времена наказывали гонца за то, что принес плохую весть. Между тем В.Тишков всего лишь констатировал факт. Факт в самом деле скандальный. Люди, искренне считающие, что борются с национализмом, на деле участвуют в воспроизводстве (этно)националистического мышления. Это проявляется в том, что они

- исходят из примордиалистского представления о нации как продукте эволюции этноса,
- понимают этническую принадлежность как естественное свойство человека,
- рассматривают этносы в качестве автономных субъектов социального действия,
- верят в то, что определенная этническая группа на «своей» территории должна обладать большими правами, чем остальные.

Итак, российский общественно-политический дискурс во многом определен этнонационализмом. Как это произошло?

Не последнюю роль здесь сыграла академическая наука. Я имею в виду «марксистско-ленинскую теорию наций» и советскую «теорию этноса», в разработке которых решающее значение имели труды академика Юлиана Бромлея. Концептуальные схемы «школы Бромлея», дополненные яркими фантазиями Льва Гумилева, лежат в основе наших учебников по общественным наукам, от школьных до вузовских. До тех пор, пока не будет создана и пущена в массовый оборот альтернативная учебная литература, противостоять этой интеллектуальной традиции крайне сложно.

Однако чисто эпистемологическими причинами объяснить господство этнонационалистичес-

ких представлений нельзя. Эти представления обязаны своей популярностью институциональным факторам. Дело в том, что этничность (национальность) выполняла на протяжении советских десятилетий две важные функции. Она слу-

(а) средством разделения политического пространства и

(б) средством разделения населения.

С одной стороны, политическое пространство структурировалось по этническому признаку (этнофедерализм). С другой стороны, этническая идентичность индивидов закреплялась в документах. (Любопытно, что с отменой пятого пункта в паспортах этот пункт сохранился во многих других официальных бумагах). Даже если в повседневной жизни людей этническая принадлежность не играла заметной роли, она, тем не менее, была весьма существенной в сношениях индивидов с государственными органами. (Поступление в вуз по этнической квоте, перспектива занять престижное место в качестве представителя «национальных кадров» и т.д.). Она продолжает оставаться весьма существенной на территории национально-территориальных образований.

Таким образом, то обстоятельство, что в массовом сознании этническая идентичность понимается не как продукт культурного самосознания, т.е. в конечном итоге – индивидуального выбора, а как антропологическая константа, далеко не случайно. Оно есть результат длительной, отчасти продолжающейся практики *институционализации* этничности.

Столкновение двух национализмов – русского, с одной стороны, и национализмов этнических меньшинств, с другой – порождает патовую ситуацию. Русские националисты настаивают, что от советского режима пострадали прежде всего русские. Следовательно, именно русский народ и русская культура нуждаются в особой защите. Нерусские националисты – татарские, тувинские, якутские, кабардинские и т.д. – убеждены, что главной жертвой коммунистической диктатуры были именно представляемые ими народы. Следовательно, необходимо добиться торжества исторической справедливости, наделить меньшинства особыми правами. Это противостояние ведет в тупик. Каков выход из тупика?

Опция первая: ассимиляционистская. Через процедуры прямого (административного) или непрямого (символического) насилия и самоиндоктринации, достигаемой благодаря целенаправленной работе СМИ, навязать обществу определенный культурно-этнический стандарт. Например, как

предлагают активисты ЛДПР, превратить Россию в православную монархию. Или, в более мягком варианте, поделить культурно-символическое пространство на сферы влияния: на русско-православную и тюрко-мусульманскую зоны плюс буддийские анклавы в местах компактного проживания соответствующих групп.

Опция вторая: романтически-изоляционистская. Развивать российское общество в направлении «многонациональности». Сторонники этого подхода, как правило, с изрядным скепсисом относятся к идее формирования «российской нации» и даже к самому этому выражению, подозревая за ним стремление русских лишиться нерусских их культурно-этнической самобытности.

Если первая опция строится на игнорировании различий, то вторая – на форсировании различий. Понятно, что ни тот, ни другой подход из тупика не выводит.

Выход, как мне представляется – и как доказывает международный опыт – в *формировании гражданской солидарности при учете культурно-этнической специфики отдельных слоев и сегментов общества.*

Не является ли такой подход очередным упражнением в искусстве сидения между двух стульев? Убежден, что нет. Ибо в предложенном подходе четко просматриваются приоритеты. основополагающий, базисный принцип здесь – принцип *нейтральности политико-правовой сферы* и строгого отделения друг от друга политической и культурной сфер. Политико-правовая сфера стро-

ится на основе «слепоты к различиям». Культурная сфера строится на основе уважения к различиям.

Этот принцип – полное равенство индивидов в качестве граждан – никоим образом не противоречит праву индивидов на свободное выражение их культурной идентичности. Более того, только этот принцип и может служить гарантией реализации права на идентичность. В политико-правовом пространстве признается только одна идентичность – гражданская. В культурном пространстве, напротив, признается множество идентичностей. Государство сознательно отказывается от навязывания гражданам некоего культурного стандарта. Касается ли это религии, которую они исповедуют, языка, на котором общаются, или головного убора, который они считают неотъемлемой частью своей личности и не собираются снимать перед объективом фотоаппарата.

Разведение политической и культурной сфер позволяет избежать ненужной и вредной *политизации* культурно-этнической проблематики. Вопросы, связанные с публичной артикуляцией культурной идентичности граждан, могут и должны быть решены именно как культурные, а не как политические вопросы. Для того чтобы реализовать право граждан на культурную самобытность, не требуется ни разработки особой национальной политики, ни особых гарантий групповых – «этнических» - прав. Для этого требуется лишь соблюдать права человека, гарантированные Российской Конституцией.

Vladimir MALAKHOV

Ethnic Problems in Contemporary Political and Legal Discourse

Vladimir Malakhov, PhD, working at the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, writes about different strategies that Russia can use in its ethnic policies. The author observes recent and current approaches to this issue in some Western states and similar situations in the contemporary Russian Federation, in addition to existing approaches to the solution of this problem. Malakhov's viewpoint is to build Russian society on two basic principles: division of cultural from political and legal spheres, where the political and legal spheres would be indifferent to cultural differences.

